

# ЭГАЛИТАРНЫЕ И ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА РАННИХ НОМАДОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ И КОНГРУЭНТНЫЕ ТИПЫ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ<sup>1</sup>

Е.В. Вдовченков

**Аннотация.** В статье на базе археологических и письменных источников анализируется политическая и военная организация ранних кочевников степной зоны Евразии, особенно скифов и сарматов. Рассмотрены свидетельства античных авторов, привлечен сопоставимый этнографический материал.

В обществе номадов мы видим две тенденции – уравнительную (племенная организация) и иерархическую, когда выстраивается иерархия и формируется элитарная культура (вождество, кочевая империя). В статье рассматриваются такие институты, связанные с войной, как дружины, народ-войско, набег, а также их связь с политической организацией кочевников. Особое внимание уделяется возникновению военной организации на базе возрастных систем, которое широко известно в истории ранних обществ, поскольку основой социальной организации древних обществ часто был половозрастной принцип. В статье высказывается предположение, что именно такая форма военной организации, связанная с половозрастной структурой общества, может быть типичной для скифских и сарматских племен и являться естественной основой для организации ополчения племени (народа-войска).

Как для племени, так и для вождества существовали сходные военные институты, которые обеспечивали военные потребности как иерархических, так и относительно эгалитарных систем.

**Ключевые слова:** ранние номады, степная зона Евразии, политическая и военная организация, вождество, племя, псевдоиерархия, кочевая империя, скифы, сарматы, половозрастная организация, мужские союзы.

**Вдовченков Евгений Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, vdovchenkov@yandex.ru.

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-06-00464 «Историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной Мир-Системе».

# EGALITARIAN AND HIERARCHICAL SOCIETIES OF EARLY NOMADS IN THE EURASIAN STEPPE AND CONGRUENT TYPES OF THEIR MILITARY ORGANISATION

E.V. Vdovchenkov

**Abstract.** The article analyzes the political and military organization of the early nomads in the Eurasian steppe using archaeological and written sources. Special attention is given to the Scythians and Sarmatians. The evidences of ancient authors as well as comparable ethnographic materials are used in the research.

In the nomad society two trends can be distinguished – equality (tribal organization) and hierarchy (formation of hierarchy and elitist culture: chiefdoms, nomadic Empires). The article concerns with war institutions and their relationship with the political organization of nomads. We also examine the emergence of military organization, based on the age system, which was widely spread in the early societies. The article suggests that this form of military organization is typical for the Scythian and Sarmatian nomads, and is a natural basis for the organization of the tribe's militia.

**Keywords:** early nomads, Eurasian steppe, political and military organization, chiefdom, tribe, pseudo-hierarchy, nomadic Empire, Scythians, Sarmatians, age and sex organization, male unions.

Процессы политической интеграции у номадов были связаны с задачами успешной экзоексплуатации, масштабы которой определяли масштабы складывающихся политий. Идея А.М. Хазанова о зависимости кочевников от оседлого мира является очень продуктивной для анализа общества кочевников. Зависимость номадов связана с нестабильностью экстенсивного кочевого скотоводства как способа хозяйствования, они вынуждены были искать ресурсы за пределами своих обществ. Собственно, главный смысл организации политий номадами — это экзоексплуатация.

Процессы интеграции у номадов были связаны с задачами успешной экзоексплуатации, масштабы которой определяли размеры складывающихся политий. Согласно А.М. Хазанову и Т.Дж. Барфилду, масштабы образуемых ими политий напрямую зависели от сил и размеров противостоящего им земледельческого общества [Хазанов, 2002; Барфилд, 2009].

Проблема реконструкции политических институтов и способов их военной организации для номадов является одной из центральных при изучении древних обществ, и вместе с тем очень сложной. Отсутствие или фрагментарность письменных источников заставляет нас обращаться к археологии, что вызывает значительные методические трудности при анализе и интерпретации материала.

Производимое исследователем знание является не реконструкцией, а конструкцией, если отталкиваться от неокантианского понимания процесса исторического познания, и это особенно справедливо для такой сферы, как реконструкция политической и социальной организации древних обществ.

Когда мы пытаемся дать цельную картину, неизбежно обращаемся к аналогиям. Аналогия как метод неоднократно вызывала возражения своей слабой доказательностью, но многое здесь зависит от постановки проблемы и сопоставимости сопоставляемых обществ. А.М. Хазановым обоснована возможность использования типологического сходства общества как ранних кочевников, так кочевников средневековья и Нового времени, и это позволяет привлекать данные по этнографии номадов для изучения древних кочевников. Что бы за этим не скрывалось — типологическое сходство или генетическое, но в любом случае мы видим реальные социальные модели, варианты социальной эволюции кочевников степной зоны Евразии, у которых хотя бы в силу сходных природно-климатических условий жизни и способов хозяйствования (принципиально сходный хозяйственно-культурный тип) мы видим много общего.

Ключевые политические (потестарные) институты у номадов — это племя и вождество. **Вождество** — это промежуточная или альтернативная государству форма социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей и знати, где существует заметное социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата. Опорой власти вождя у номадов была успешная внешнеполитическая деятельность и редистрибуция полученной добычи,

дани и т.п. среди своих воинов и верхушки вождества. Именно это было ключевым фактором, определяющим успешность политической интеграции у кочевников.

Примером вождества (сложного, по всей видимости) могут служить Скифия V–III вв. до н.э. (предполагаемым центром которой был район концентрации так называемых царских курганов) и полities на Нижнем Дону, от которой остались памятники среднесарматской культуры (I–середина II в. н.э.) [Вдовченко, Кулешов, 2019]. Здесь мы видим ключевые признаки вождества — и наличие мощного центра и яркой элитарной субкультуры, и активную внешнеполитическую деятельность, и культ царской власти, отраженный в погребальном обряде.

Множественно обсуждалась проблема существования у номадов **государства**. Конечно, о высоком уровне социальной дифференциации и политического развития говорят следующие признаки: наличие социальной иерархии; формирование наследственной власти; деятельность харизматического лидера и культ царской власти; очевидная военно-политическая мощь кочевых объединений; концентрация значительных ресурсов.

Тем не менее, если мы возьмем три ключевых признака государства: централизованный аппарат управления, территориальный принцип организации и налоги, — то вынуждены будем констатировать, что они, как правило, отсутствовали [Крадин, 1992, с. 152–160]. В настоящее время концепция государственности у номадов подвергается критике, т.к. у кочевников нет внутренней потребности в создании государства, для регулирования жизни общества хватало традиционных институтов управления. Речь в случае с номадами идет о развитии альтернативного пути политогенеза, не достигающего до государственности. Вопрос о том, достигают ли политии номадов государственного уровня, должен решаться в каждом конкретном случае. Заслуживает внимания предложение Л.Е. Гринина считать крупные и мощные политии номадов, внешне напоминающие крупные государства (например, империя хунну, европейская Скифия), аналогами крупного раннего государства [Гринин, 2012, с. 26].

По отношению к кочевникам используют еще термин **«кочевая империя»** — это сложная, занимающая относительно большое пространство общественная система, которая состоит из кочевого «ядра», имеющего пирамидально-иерархическую структуру при сравнительно неразвитой внутренней эксплуатации, и зависимой территории, эксплуатирующейся, как правило, посредством данничества, в которую могли входить как земледельческие, так и другие народы.

Важно определиться с соотношением понятий «вождество» и «кочевая империя». Кочевые империи по своему внутреннему устройству являются сложными и суперсложными вождествами (отличие от обычных вождеств в масштабах и институте наместничества [Крадин, 2002, с. 241]). Для превращения в империю требовалась успешная внешняя политика, установление своей власти на зависимых территориях и укрепление позиции правящих родов. Таким образом, кочевая империя — это

наиболее успешное вождество, деятельность которого позволила расширить масштабы политики за счет зависимых областей (т.е. в этих случаях вождество выходило за рамки локального уровня и среднemasштабных обществ).

Сарматские племена и вождества успешно справлялись с задачами экзоэксплуатации соседей, поэтому не фиксируется адекватных «вызовов» для создания сарматами кочевой империи.

Другой базовый политический институт у сарматов — **племя**. Племя характеризуется следующими признаками: представление о дальнем (реальном или фиктивном) родстве соплеменников, наличие племенной территории, языковой (диалектной) и культурной общности, общеплеменной власти, племенного самоназвания и самосознания. В целом же понятие племени сохраняет свою применимость к общностям низшего и среднего порядка (мало- и среднemasштабным), в особенности — к обществам кочевников. Антропологи оперируют понятием «**вторичное племя**», подчеркивая, что многие из известных нам племен возникли в результате взаимодействия древних обществ с более развитыми обществами и являются формой приспособления к ним [Крадин, 2015]. Племенная организация у кочевников носила вторичный характер, племя кочевников степной зоны Евразии — это классический случай вторичного политического (потестарного) образования (хотя сложно считать все племена степной зоны вторичными — хотя бы в силу состояния источников, не позволяющих категорично настаивать на какой-либо идее).

Примером племени могут выступать скифы из «Токсариса» Лукиана. Очень интересной особенностью «скифов» в «Токсарисе» является то, что в случае мирной перекочевки большой орды (где в контексте никаких военных приготовлений нет) [Lucian, Toxaris, 39] ею руководят сразу несколько начальников. А обряд на шкуре, который помогает собрать войско для набега, может организовать любой скиф. Это говорит о том, что не было значительной централизации власти в том обществе, которое описывается у Лукиана как скифское.

Другой пример — это ранние сарматы Подонья, среди памятников которых мы практически не видим погребений элитарной субкультуры [Вдовченков, Кулешов, 2019]. Это позволяет предположить, что для ранних сарматов Нижнего Дона во II–I вв. до н.э. была характерна именно племенная организация.

По поводу племени как формы потестарной организации критически высказался В.В. Грибовский, который говорит о том, что некоторые общества «демонстрируют тот пример эгалитаризма, который нельзя связать с некими “племенными” характеристиками. Отказ от понятия “племя” делает возможным использовать другие понятия, адресованные верифицируемой конкретике: сети, кластеры (пучки), общины или устойчивые группы» [Казачество, 2018, с. 51, прим. 180].

Соглашаясь с идеей автора о вариативности потестарной и политической организации традиционных обществ, следует все же отметить, что племенная организация не противостоит идее эгалитаризма. Охватывая иногда десятки и сотни тысяч

людей, десятки объединений (что отражено в таких, ставших уже традиционными, названиях в литературе, как «союз племен», «конфедерация племен»), племенная организация позволяет эффективно противостоять как внутренним конфликтам, так и внешним, без укрепления и институционализации власти отдельных вождей и элитарных групп.

Структурные и функциональные различия между вождеством и племенем характеризуются как весьма существенные [Grinin, Korotayev, 2011; Крадин, 2015, с. 9]: вождество – более консолидированная и управляемая общность. Если лидер племени обладает скорее неформальным положением, опирающимся на личный авторитет, то позиция предводителя вождества подкреплена наследственным статусом. У племени и вождества разная степень централизации и разные векторы внутренних отношений – горизонтальный для племени и вертикальный для вождества; неравенство (политическое и социально-экономическое) более выражено в вождестве [Крадин, 2015, с. 9].

В связи с изменчивостью ситуаций в степной зоне процессы централизации и децентрализации протекают постоянно: вождества трансформируются в племена, а затем, при благоприятной обстановке, снова «собираются» в вождества. Факторы перехода племени в вождество и обратно – успешная деятельность царей и предводителей (скептухов), климатические изменения (аридизация/гумидизация), динамика оседлой периферии, изменение военного потенциала кочевников. В силу сказанного, нет оснований резко абсолютизировать различия между племенем и вождеством у сарматов: изменчивость конкретно-исторических условий предопределяла регулярный характер разнонаправленных трансформаций.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в памятниках античной письменной традиции по отношению к скифам и сарматам в целом и к отдельным их группам в частности применяются термины: др.-греч. ἔθνος (в более позднее время чаще γένος) и лат. *gens* и *natio*, на русский обычно переводимые как народ (ἔθνος ~ *natio*) и племя (γένος ~ *gens*). В самом широком круге контекстов эти термины привычно использовались греческими и латинскими авторами для обозначения и групп номадов, и оседлых варварских обществ. Этими терминами обозначались как племена, так и вождества. Поэтому для дополнения данных письменных источников очень важна археология. Сведения античных авторов очень информативны, дают представления об этнонимах, событиях политической истории, некоторых аспектах культуры, о масштабах обществ, но терминология, используемая античными авторами, не всегда помогает нам понять политическую организацию этих обществ. Тем более что мы можем столкнуться с таким феноменом, как **псевдоиерархия** – когда титулы и названия не соответствуют реальному положению вещей. Примеры этого приводит С.Г. Марков у казахов. В казахском обществе XIX–XVIII в. мы видим ханов, султанов, деление на «белую кость» и «черную кость». Но в реальности власть ханов и султанов была символической, а иногда и отсутствовала. Большая роль биев – предводителей племенных подразделений из «черной кости» и батыров у казахов показывает, что наследственные

статусы далеко не всегда определяли ситуацию с властью. Н.П. Рычков называл казахских ханов и султанов XVIII в. «мнимыми начальниками» [Марков, 2014, с. 143–151].

Зачастую предводители кочевников и рядовые скотоводы понимали содержание социальной терминологии совершенно иначе, чем оседлые земледельцы. Цари, скептухи, знать — что скрывается за этими терминами? В качестве примера могут быть приведены памятники степной зоны Восточной Европы середины III–I вв. до н.э. Археология показывает нам довольно бедных номадов, невыделенную элитарную субкультуру. В то же время античные авторы называют для этой эпохи и региона некоторых царей: царица сарматов Амага [Polyaen. Strat. VIII, 56]<sup>1</sup>, царь европейских сарматов Гатал [Polib. XXV, 1, 12], царь Сайтафарн [Декрет в честь Протогена. IOSPE I, 32]. Эта проблема — расхождение данных античной традиции и археологии — требует своего решения.

Итак, в обществе номадов мы видим две тенденции — уравнительную (племенная организация) и элитарную, когда выстраивается иерархия и формируется элитарная культура (вождество), фиксируется ярко выраженное неравенство, что отражается в богатых погребениях.

Эгалитаризм здесь, конечно, относительный, так как для номадов, мы все же знаем, характерно стратифицированное общество. Но, впрочем, обе тенденции однозначно присутствуют. С.Г. Марков их обозначил по-другому: общинно-кочевая форма общественной организации скотоводов и военно-кочевая форма общественной организации [Марков, 2014, с. 311–312].

Для областей, примыкающих к центрам цивилизации, более характерны вождества, «иерархический путь», для периферийных областей степной зоны — относительный (!) эгалитаризм.

В настоящей статье наша цель — понять, в какой степени эти две тенденции влияют на уровень военной организации ранних номадов, как уровень политической централизации соотносится с военными институтами. Главный вопрос состоит в том, в какой степени институты военной организации конгруэнтны политической организации.

Между вождеством и племенем не так много отличий в сфере военной активности (см., в частности: [Нефёдкин, 2011]), поскольку военная организация номадов строится по одинаковым принципам, и степень вооруженности не столь очевидно служит дистинктивным критерием. В то же время в военной деятельности племени значимой представляется роль всякого воина, а военная организация реализуется в рамках традиционных племенных институтов (таких, например, как обряд со шкурой, описанный Лукианом, помогающий организовать войско для набега любому кочевнику: [Lucian. Tox. 48]). Для вождеств мы можем предполагать большую роль вождей

---

<sup>1</sup> Здесь и далее указания на тексты античных авторов приводятся по: [Латышев, 1992; 1993].

и их дружин; возникающая в этом случае проблема идентификации таких дружин по археологическим материалам не столь проста [Яценко, Вдовченков, 2015].

Нам известны такие институты, связанные с войной, как дружины и народ-войско (войско-ополчение). Большую роль также играли институты набега и военного вождя.

**Народ-войско**, очевидно, было институтом, связанным с участием в войне всего населения. Проблема в том, что этот предельно общий термин часто используется так же, как и другое аналогичное понятие – племенное ополчение, но конкретные механизмы не описываются. Также ясно, что этот институт работал в ситуациях тотальной мобилизации, в случае масштабных акций, не столь частых.

**Дружина.** Исследователи по-разному относятся к этому термину. Так, П.С. Стефанович отмечает: «Сегодня термин *Gefolgschaft* едва ли не предан забвению и если употребляется, то только в кавычках» [Стефанович, 2011, с. 28].

Под этим институтом понимается объединение, для которого характерны следующие признаки: специализация на военной деятельности; альтернативность дружины родовой организации; связь с предводителем отношениями личной преданности. Одно из традиционных определений дает Ганс Кун: «союз свободных мужчин на постоянной, но, как правило, не пожизненной, службе какому-либо более могущественному человеку, которые принадлежат его дому, функция которых состоит только в военной службе и репрезентации и которые находятся в почетном положении и в отношении взаимной верности с их предводителем» [по: Стефанович, 2012, с. 60–61].

Следует помнить о специфике оседлого общества. Попытки классификации дружин делаются на основе оседлых обществ (германцы, славяне) и не релевантны по отношению кномадам. Для кочевников проблемой является выделение служилой знати как таковой, поскольку основа социальной организации номадов – родовая. Знать у номадов опирается на традиционные подразделения – племена и роды. Источники разных эпох показывают, что в качестве основной части дружины правителя чаще всего выступали воины его родоплеменного подразделения. Отход от этого принципа маловероятен, поскольку в таком случае необходим надежный фундамент существования, а он в силу специфики экзополитарной деятельности не является стабильным. Выделение дружины у кочевников ограничивалось всеобщей вооруженностью и широким участием в войнах всех номадов. Также выделению дружин препятствовала относительная однородность вооружения кочевников, в результате чего у дружинников не могло быть заведомо выгодного преимущества по сравнению с другими воинами.

Тем не менее исследователи традиционно говорят о дружинах у номадов. Для выделения дружины у номадов по материалам некрополей С.А. Яценко предполагает такой ключевой признак, как всеобщая вооруженность, отраженная в погребальном обряде [Яценко, Вдовченков, 2015]. И на основе изучения некрополей скифского и сарматского времени С.А. Яценко выделяет только три некрополя на всем степном



пространстве, которые можно связать с дружинами. Это 1) некрополь Чертовицкий I в верховьях Дона (I–начало II вв. н.э.); 2) ряд некрополей «Золотого кладбища» на правом берегу Средней Кубани (середина I–конец II вв. н.э.); 3) небольшой некрополь в Новых Бедражах (Молдова, рубеж II–III вв. н.э.) [Яценко, Вдовченков, 2015]. У этих некрополей есть общая черта – они располагаются на границе степной зоны, рядом с зоной оседлых зависимых племен и при этом в 300–500 м от городищ местных земледельцев, что обеспечивало их «кормление» [Яценко, Вдовченков, 2015, с. 173]. Еще один признак – стандартизация погребального обряда.

Таким образом, мы видим, что дружины были довольно редки – в большинстве случаев для ранних кочевников дружина была избыточна, поскольку традиционная форма военной организации была вполне эффективна.

Дружина является признаком мощного политического центра, но находились они часто на периферии этого центра. Дружины были тесно связаны с оседлой периферией, которая давала ресурсы для их существования, и в то же время были механизмом получения этих ресурсов. Важно отметить, что, как замечает Ганс Кун, дружина до эпохи Великого переселения народов отмечена у тех германских племен, с которыми больше других сталкивались римляне [Стефанович, 2012, с. 61], и эта ситуация аналогична той, которую видим у кочевников.

Военные группы из состава кочевников могли эффективно использоваться оседлыми обществами, и в таком случае для них весьма вероятно именно дружинная система организации. Связь с вождем была весьма эффективным средством контроля (бывших) кочевников. Возможно, именно такая система была организована Боспором на своей границе, например в Танаисе, где использовались, по моему предположению, военные переселенцы из сарматской среды. В результате в Танаисе второй половины II–первой половины III вв. н.э. сформировалась специфическая организация местной общественной жизни, ранее достоверно не известная – разделение граждан на общины танаитов и эллинов, культ Бога Высочайшего и т.п. [Вдовченков, 2012]. Но все же в центре внимания у нас – кочевники и их системы военной и политической организации. Процессы оседания и встраивания в политические системы оседлых обществ приводили к серьезной трансформации общества и культуры кочевников, поэтому военные переселенцы на периферии Боспора – не вполне уже кочевники.

Итак, если дружина была не столь распространена, следует обратить внимание на традиционные племенные институты. Важно акцентировать внимание на таком институте, как **набег**. Лукиан в «Токсарисе» оставил нам живописное описание формирования «дружины для одного набега» при помощи обряда на шкуре, в рамках которого любой кочевник мог собрать войско для своего мероприятия [Lucian, Toxaris, 48].

Институту набега – **аламана** – у туркмен посвящена монография Ю.М. Ботякова [Ботяков, 2002, с. 19–20]. Обычай **баранта**, или барымта, известен у туркских

кочевников как одна из разновидностей набега — с целью похищения скота, но часто без использования оружия, и играл особую роль в перераспределении ресурсов. Если дружина, безо всякого сомнения, связана с сильным иерархическим обществом и мощными правителями, то институт набега — тот, о котором говорит Лукиан Самосатский, — явный признак слабости политической власти у скифов (и по этой причине я бы не стал напрямую отождествлять их со скифами Геродота, которые по культуре и общественному строю отличаются от скифов из «Токсариса»). Об этом же говорит повседневность насилия у скифов Лукиана: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ или добычи» [Lucian, Toxaris, 36]. Сильная политическая власть не потерпит такой ситуации и направит всю энергию общества на достижение внешнеполитических целей.

О существовании еще одного института, такого как **молодежные союзы и половозрастные группы**, ведется постоянная дискуссия.

Половозрастная стратификация в истории ранних обществ представляет собой универсальное явление, на ранних этапах развития первобытного общества в основе социальной организации лежал половозрастной принцип [Попов, 1982, с. 68; Мисюгин, 2009, с. 289]. Сложности здесь вызывает сам материал, который известен нам только на примере синполитейных обществ (если не считать данных археологии, которые всегда непросто интерпретировать). В высшей степени справедливо замечание Н.А. Бутинова: «Половозрастная организация, существовавшая в прошлом многие тысячи лет, нигде в своем первоначальном виде не обнаружена» [Бутинов, 1982, с. 63].

Вопреки словам С.А. Яценко, который локализовал это явление в некоторых восточных районах Африки, видимо, вслед за К.П. Калиновской [Яценко, 2019, с. 228; Калиновская, 1976], этот феномен был распространен повсеместно. Это деление характерно для обществ на ранних стадиях развития, и следы этого деления прослеживаются, например, у народов Западной Африки [Попов, 1981, с. 91, 97]. Пример Африки важен, поскольку в силу архаичности африканских сообществ исследователями были зафиксированы институты, слабо изученные на материалах других обществ [Мисюгин, 2009, с. 54]. Но в действительности элементы половозрастной организации мы встречаем у разных обществ Евразии.

Наши главные источники по половозрастной системе — это язык, система терминов родства, детальное описание социальной организации в нарративных источниках. В действительности исследователь имеет в наличии только обрывки информации, по которым пытается (ре)конструировать социальную организацию древних обществ, в том числе и половозрастную. Далеко не всегда существующая система возрастных классов может быть зафиксирована: «Для постороннего глаза реально существующие группы социальных «сверстников» были невидимы, поскольку принадлежность к ним не обязывала селиться совместно, коллективно вести хозяйство и т.п.» [Мисюгин, 2009, с. 209].

В.А. Попов обращает внимание на то, что нужно разделять по крайней мере четыре основные категории: 1) возрастная степень (стадия жизненного цикла); 2) возрастная класс – институционализированная возрастная степень; 3) возрастная группа – корпоративная группа, которая движется по возрастным степеням; 4) возрастная сет – совокупность всех возрастных групп [Попов, 1982, с. 75]. При этом возрастные степени не всегда институтируются в форме возрастных классов.

Такое внимание половозрастному принципу я уделяю в этом исследовании потому, что возникновение военной организации на базе возрастных систем широко известно в истории ранних обществ [Попов, 1981, с. 91]. Эта система социальной организации в большей степени характерна для эгалитарных обществ, или же для обществ с выраженными эгалитарными тенденциями (в то время как в иерархических обществах велика роль имущественной и статусной стратификации).

Поскольку речь идет о ранних номадах Европы (т.е. ираноязычных кочевниках), то, чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров существования половозрастного деления.

Николай Дамасский сообщает о скифах следующее: «Млекоеды (Γαλακτοφάγοι), скифский народ... весьма справедливы, имея общее имущество и женщин, так что старших себя считают отцами, младших – сыновьями, а сверстников – братьями» [Nic. Damsc. Paradox., 3]. Это свидетельство прямо говорит именно о возрастных классах у скифов.

Примечательно упоминание языгов (сарматский народ, известный с I в. до н.э.) Валерием Флакком: «Разноцветная Иберия излила вооруженные копьями отряды, которые ведут... не знающие убеленного сединами возраста Язиги... у мужественных предков создан обычай не медлительно претерпевать смертную участь, но погибать от руки дорогого потомства врученным ему мечом; прерывают замедление и сын, и отец, единодушные оба и вызывающие сожаление своими мужественными поступками» [Val. Flac. Argonaut. VI, 120–129]. Здесь мы видим обычай убийства соплеменников по достижении определенного возраста. При всей дискуссионности информации Валерия Флакка как исторического источника в основе его сообщения лежит традиция возрастного деления у номадов.

К числу хорошо известных сообщений относится рассказ Геродота о вторжении в Азию скифов-мужчин, оставивших жен в Причерноморье [Herod., IV, 1]. Аналогичную ситуацию мы видим в сообщении Помпея Трога [Justin. Ep. Historiae Philippicae. II. 4, 1-3], где прямо говорится о том, что в Каппадокию вторглась скифская молодежь во главе с двумя «царственными юношами».

Молодежные объединения – возрастная класс юношей – это одна из ключевых степеней половозрастного деления. Мужские союзы и молодежные возрастные группы зафиксированы и исследуются в разных обществах: у монголов, тюрок, греков, персов, индоариев, народов Кавказа и т.п. [Wikander, 1938; Толстов, 1938; Калиновская, 1976; Кулланда, 1995; Карпов, 1996; Андреев, 2004; Цыбикдоржиев,

2004, с. 336 и др.]. Отдельно следует упомянуть о дискуссии в Советской этнографии о половозрастной стратификации общества в 1981–1982 гг. [Попов, 1981; Бутинов, 1982; Попов, 1982 и др.].

В рамках нашего исследования особый интерес представляют попытки доказать существование мужских (молодежных) союзов у скифов [Иванчик, 1988] и сарматов [Симоненко, 1993, с. 105; Исаенко, 1993, с. 176–177; Ustinova, 2002; Вдовченков, 2013].

Отдельно стоит упомянуть позицию С. В. Кулланды, который не только говорит о половозрастном делении скифского общества. Он утверждает, что скифские сословия (или, как он их еще именует, варны) генетически связаны с половозрастным делением: «старшая возрастная группа эволюционирует в сословие жрецов, средняя – производителей материальных благ, младшая – воинов» [Кулланда, 2014, с. 329]. Здесь непросто оценить исследование С. В. Кулланды, тем более сделанное на сложном лингвистическом материале, но его работы по изучению половозрастных групп хорошо известны [Кулланда, 1995].

Частные союзы Танаиса исследователи Ю. Б. Устинова и Н. В. Завойкина связывают с институтом возрастных классов. Разница между ними в том, что гипотеза Ю. Б. Устиновой предполагает возникновение фиасов из иранских мужских союзов, сильно эллинизированных [Ustinova, 1999, р. 280–282], а по мнению Н. В. Завойкиной, в основе возрастных союзов Танаиса доминировало греческое начало [Завойкина, 2007, с. 303–305].

Молодежь определенного возраста выделялась из общины и поселялась на пограничье, где занималась набегами, охотой и другими связанными с подобной деятельностью делами. Этим добывались сразу нескольких целей: воспитательная; военная (такая форма позволяет всегда иметь на границе готовые к войне группы молодежи); экономическая (в набегах добывались различные богатства). Еще одно обстоятельство: благодаря выделению из общества молодежи в самом деструктивном для общества возрасте эта энергия молодежи канализировалась в полезном для общины русле, и таким образом, с одной стороны, практиковалось культивирование насилия, а с другой – это насилие было легче контролировать как в силу отдаленного расположения молодежи, так и в силу их лиминального, приниженого статуса (что подтверждается разными этнографическими примерами).

Эти группы обладали политической субъектностью и могли действовать отдельно от своего племени, например при миграции, которая осуществлялась именно молодыми мужчинами [Мисюгин, 2009, с. 95; Вдовченков, 2013].

Я полагаю, что именно такая форма военной организации, связанная с половозрастной структурой общества – возрастной класс неженатых мужчин-воинов, – может быть типичной для скифских и сарматских племен и являться естественной основой для организации ополчения племени (народа-войска). Конечно, существование такого рода института у скифов и сарматов, подтверждающееся, как

правило, лишь косвенными свидетельствами, не является доказанным. Однако широкий круг исторических и этнографических параллелей позволяет обратить внимание на эту гипотезу (хотя говорить об универсальном характере этого явления еще преждевременно).

У нас есть свидетельства дальнейшей эволюции возрастного класса молодежи — молодых воинов. Эволюция мужских союзов могла привести к их постепенному отмиранию и замещению их новыми социальными формами, где о них могли напоминать только пережитки инициационных испытаний и ритуалов. Другой вариант — это его превращение в особую форму организации знати. Гомеровский мужской союз — замкнутая корпоративная организация аристократии [Андреев, 2004, с. 98].

Еще одно направление развития — эволюция в дружины. Исследователь среднеазиатских материалов Г.П. Снесарев приходит к выводу, что «генетическая связь среднеазиатской дружины ... с возрастными молодежными ячейками союза мужчин не подлежит никакому сомнению...» [Снесарев, 1963, с. 181]. К аналогичному выводу приходит Д.В. Цыбикдоржиев: «Военизированные мужские союзы могут принимать участие в становлении государственности. В этом случае они превращаются в княжеские дружины, из них вырастает гвардия» [Цыбикдоржиев, 2004, с. 340]. В какой-то степени такое направление эволюции естественно. В жизни молодежных групп появляются лидеры, которые в результате очень удачной военной деятельности могут закрепить свои успехи и выйти за рамки традиционной военной организации, сконцентрировав в своих руках значительную силу и опираясь при этом на молодежь, которая переходит эту границу — между возрастной группой и профессиональной дружиной.

В данном случае важно заметить, что эволюция политических сопровождается неизбежно эволюцией и военной организации, и эти процессы взаимно обусловлены.

Подводя итог, можно зафиксировать, что как для племени, так и вождества существовали сходные военные институты, которые обеспечивали военные потребности как иерархических, так и относительно эгалитарных систем. Дружины у кочевников — это явление довольно редкое и, как представляется, связанное генетически с эволюцией традиционной военной организации. Общество скотоводов, особенно скотоводов-кочевников, отличается большей архаичностью, сохранением традиций (и постоянным возвращением к ним). Поэтому в его рамках веками существовали традиционные механизмы военной мобилизации и организации военного дела, которые могли опираться на половозрастную структуру общества.

Археологический материал и данные древних авторов не дают однозначного ответа на поставленные вопросы, и их решение — долгий процесс, связанный с поиском, находками, разочарованиями, но тем не менее приближающий нас к пониманию механизмов военной и политической организации древних обществ.

## ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб.: Алетейа, 2004. 336 с.
- Барфильд Т. Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 14–57.
- Ботяков Ю. М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX–первая половина XX века). СПб.: МАЭ РАН, 2002. 191 с.
- Бутинов Н. А. Половозрастная организация // *Советская этнография*. 1981. № 6. С. 63–68.
- Вдовченков Е. В. Сарматизация Танаиса как частный случай взаимодействия цивилизации и варварства // *Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт*. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 197–219.
- Вдовченков Е. В. Проблема существования мужских союзов у сарматов // *Ранние формы потестарных систем*. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 182–201.
- Вдовченков Е. В., Кулешов Вяч. С. Сарматское племя как потестарный институт // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 389–400.
- Гринин Л. Е. Ранние государства и аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ // *Ранние формы политических систем*. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 9–98.
- Иванчик А. И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // *Советская этнография*. 1988. № 5. С. 38–48.
- Исаенко А. В. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // *Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье*. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1993. С. 159–202.
- Завойкина Н. В. Частные сообщества Танаиса (104–244 гг. н.э.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2007. № 17. С. 299–315.
- Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2018. 804 с.
- Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М.: Наука, 1976. 159 с.
- Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ, 1996. 312 с.
- Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
- Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Восточная литература, 1995. С. 11–61.
- Крадин Н. Н. Империя Хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 312 с.

- Крадин Н.Н. Понятие племя в современной антропологии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2. С. 4–12.
- Кулланда С. В. Царь богов Индра: юноша – воин – вождь // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М., 1995. С. 104–125.
- Кулланда С.В. Скифские варны // *Археологические вести*. 2014. Вып. 20. С. 318–331.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб.: Фарн, 1992. 334 с.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб.: Фарн, 1993. 349 с.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: КРАСАНД, 2014. 326 с.
- Мисюгин В.М. Три брата. СПб.: Наука, 2009. 380 с.
- Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы) // *Советская этнография*. 1981. № 6. С. 89–97.
- Попов В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (вместо ответа оппонентам) // *Советская этнография*. 1982. № 1. С. 68–78.
- Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // *Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг.* Т. II. Мат-лы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М.: АН СССР, 1963. С. 155–205.
- Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993. 321 с.
- Стефанович П.С. "Большая дружина" в ранних государствах Европы // *Средние века*. 2011. Т. 72. № 3–4. С. 27–57.
- Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М.: Индрик, 2012. 656 с.
- Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 344 с.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- Цыбикдоржиев Д.В. Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 334–362.
- Яценко С.А. Несколько замечаний по темам дискуссии о специфике военизированных сообществ // *Новое прошлое*. 2019. № 4. С. 222–229.
- Яценко С.А., Вдовченков Е.В. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // *Знание, понимание, умение*. 2015. № 1. С. 171–182.
- Grinin L., Korotayev A. Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity // *Social Evolution & History*. 2011. Vol. 10 (1) (March 2011). Pp. 276–335.

Ustinova Yu.B. Lycanthropy in Sarmatian Warrior Societies: the Kobayakovo Torque // *Ancient West and East*. 2002. № 1. Pp. 102–123.

Wikander S. Der arische Männerbund. Studien zur Indo-Iranischen Sprach- und Religionsgeschichte. Lund: Ohlsson, 1938. 111 p.

## REFERENCES

Andreev Yu.V. *Muzhskie soyuzy v dorijskih gorodah-gosudarstvah (Sparta i Krit)* [Male unions in Dorian city-states (Sparta and Crete)]. SPb.: Alethea, 2004. 336 p. (in Russian).

Barfield T. Tenevye imperii: formirovanie imperij na granice Kitaya i kochevnikov [Shadow empires: the formation of empires on the border of China and nomads], in *Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir* [The Mongol Empire and the nomadic world]. Ulan-Ude: Publishing house BNC SB RAS, 2009. Pp. 14–57 (in Russian).

Botyakov Y.M. Alaman. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty instituta nabega u turkmen (seredina XIX–pervaia polovina XX veka) [Alaman. Socio-economic aspects of the Institute of RAID among the Turkmens (mid-XIX–first half of XX century)]. SPb.: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 2002. 191 p. (in Russian).

Butinov N.A. Polovozrastnaya organizaciya [Age-sex group], in *Sovetskaya etnografiya*. 1981. No. 6. Pp. 63–68 (in Russian).

Vdovchenkov E.V. Sarmatizaciya Tanaisa kak chastnyj sluchaj vzaimodejstviya civilizacii i varvarstva [Sarmatization of Tanais as a special case of interaction between civilization and barbarism], in *Civilizaciya i varvarstvo: transformaciya ponyatij i regional'nyj opyt* [Civilization and barbarism: transformation of concepts and regional experience]. M.: IVI RAS, 2012. Pp. 197–219 (in Russian).

Vdovchenkov E.V. Problema sushchestvovaniya muzhskih soyuzov u sarmatov [The problem of the existence of male unions in Sarmatians], in *Rannie formy potestarnyh sistem* [Early forms of potestar systems]. SPb.: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 2013. Pp. 182–201 (in Russian).

Vdovchenkov E.V., Kuleshov Viach. S. Sarmatskoe plemya kak potestarnyj institut [Sarmatian tribe as a potestar Institute], in *Stratum plus*. 2019. No. 4. Pp. 389–400 (in Russian).

Grinin L.E. Rannie gosudarstva i analogi v politogeneze: tipologii i sopostavitel'nyj analiz [Early States and analogues in political Genesis: typologies and comparative analysis], in *Rannie formy potestarnyh sistem* [Early forms of political systems]. SPb.: MAHE RAS, 2012. Pp. 9–98 (in Russian).

Ivanchik A.I. Voiny-psy. Muzhskie soyuzy i skifskie vtorzheniya v Perednyuyu Aziyu [Warriors-dogs. Men's unions and the Scythian invasion of Western Asia], in *Sovetskaia etnografiya*. 1988. No. 5. Pp. 38–48 (in Russian).



Isaenko A.V. Migracii severoirancev v Rumyniyu, na Srednij Dunaj i v Vengriyu // Kavkaz i civilizacii Vostoka v drevnosti i srednevekov'e [Migrations of North Iranians to Romania, the Middle Danube and Hungary], in *Kavkaz i tsivilizatsii Vostoka v drevnosti i srednevekov'e* [The Caucasus and the Civilizations of Orient in Antiquity and Middle Ages]. Vladikavkaz: North Ossetian State University. 1993. Pp. 159–202 (in Russian).

Zavojkina N.V. CHastnye soobshchestva Tanaisa (104–244 gg. n.e.) [A private community of Tanais (104–244 AD)], in *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2007. No. 17. Pp. 299–315 (in Russian).

*Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirah* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds]. Kazan: Institute of archaeology. A.H. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences., 2018. 804 p. (in Russian).

Kalinovskaya K.P. *Vozrastnye gruppy narodov Vostochnoj Afriki. Struktura i funkcii* [Age groups of peoples of East Africa. Structure and functions]. M.: Nauka, 1976. 159 p. (in Russian).

Karpov Yu.Yu. *Dzhigit i volk. Muzhskie soiuzy v sotsiokul'turnoi traditsii gortsev Kavkaza* [Dzhigit and Wolf: Male unions in Social and Cultural Tradition of the Caucasian Highlanders]. SPb.: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 1996. 312 p. (in Russian).

Kradin N.N. *Kochevye obshchestva* [Nomadic societies]. Vladivostok: Dalnauka, 1992. 240 p. (in Russian).

Kradin N.N. Vozhdestvo: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya [Chiefdom: the current state and problems of study], in *Rannie formy politicheskoy organizacii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early forms of political organization: from primitiveness to statehood]. M.: Oriental literature, 1995. Pp. 11–61 (in Russian).

Kradin N.N. *Imperiya Hunnu* [The Empire Of The Huns]. M.: Logos, 2002. 312 p. (in Russian).

Kradin N.N. *Ponyatie plemya v sovremennoj antropologii* [The concept of tribe in modern anthropology], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. No. 2. Pp. 4–12 (in Russian).

Kullanda S.V. Car' bogov Indra: yunosha – voin – vozhd' [The King of gods Indra: the young man-warrior-leader], in *Rannie formy politicheskoy organizacii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early forms of political organization: from primitiveness to statehood]. M., 1995. Pp. 104–125 (in Russian).

Kullanda S.V. Skifskie varny [Scythian Varna], in *Arheologicheskie vesti*. 2014. Vol. 20. Pp. 318–331 (in Russian).

Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze* [Accounts of Ancient Greek and Latin Writers on Scythia and Caucasus]. Vol. 1. Saint Petersburg: Farn Publ., 1992. 334 p. (in Russian).

Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze* [Accounts of Ancient Greek and Latin Writers on Scythia and Caucasus]. Vol. 2. Saint Petersburg: Farn Publ., 1993. 349 p. (in Russian).

Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura hozyajstva i obshchestvennoj organizatsii* [Nomads of Asia. The structure of the economy and public organizations]. M: KRASANG, 2014. 326 p. (in Russian).

Misyugin V.M. *Tri brata* [Three brothers]. SPb.: Science, 2009. 380 p. (in Russian).

Popov V.A. *Polovozrastnaya stratifikatsiya i vozrastnye klassy drevneakanskogo obshchestva (k postanovke problemy)* [The sex and age stratification and age classes ancient akans society (problem statement)], in *Sovetskaya etnografiya*. 1981. No. 6. Pp. 89–97 (in Russian).

Popov V.A. *Polovozrastnaya stratifikatsiya v etnosociologicheskikh rekonstruktsiyah pervobytnosti (vmesto otveta opponentsam)* [Sex and Age stratification in ethnosociological reconstructions of primitiveness (instead of the answer to opponents)], in *Sovetskaya etnografiya*. 1982. No. 1. Pp. 68–78 (in Russian).

Snesarev G.P. *Traditsiya muzhskikh soyuzov v ee pozdnejshem variante u narodov Srednej Azii* [The tradition of male unions in its later version among the peoples of Central Asia], in *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg.* [Field Surveys of the Khwarazm Expedition in 1958–1961]. Vol. II. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii [Proceedings of the Khwarazm Expedition]. Is. 7. M.: Academy of Sciences of the USSR, 1963. Pp. 155–205 (in Russian).

Simonenko A.V. *Sarmaty Tavrii* [The Sarmatians in Tauria]. Kyiv: Naukova Dumka, 1993. 321 p. (in Russian).

Stefanovich P.S. "Bol'shaya družhina" v rannih gosudarstvakh Evropy ["Big squad" in the early States of Europe], in *Srednie veka*. 2011. T. 72. No. 3–4. Pp. 27–57 (in Russian).

Stefanovic P. S. *Boyare, otroki, družhiny. Voенно-politicheskaya elita Rusi v X–XI vekah* [Nobles, servants, guards. Military and political elite of Russia in X–XI centuries]. M.: Indrik, 2012. 656 p. (in Russian).

Khazanov A.M. *Sotsial'naya istoriya skifov. Osnovnye problemy razvitiya drevnih kochevnikov evrazijskikh stepej* [The social history of the Scythians. The main problems of development of ancient nomads of the Eurasian steppes]. M.: Nauka, 1975. 344 p. (in Russian).

Khazanov A.M. *Kochevniki i vneshnij mir* [Nomads and the outside world]. Almaty: Dyke Press, 2002. 604 p. (in Russian).

Tsibikdorzhiev D.V. *Muzhskoj soyuz, družhina i gvardiya u mongolov: preemstvennost' i konflikty* [Men's Union, the squad, guard the Mongols: the continuity and conflict], in *Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir* [The Mongol Empire and the nomadic world]. Ulan-Ude: Publishing house BNC SB RAS, 2004. Pp. 334–362 (in Russian).

Yatsenko S.A. *Neskol'ko zamechanij po temam diskussii o specifike voenizirovannykh soobshchestv* [Some remarks on the topics of discussion about the specifics of paramilitary communities], in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2019. No. 4. Pp. 222–229 (in Russian).

Yatsenko S.A., Vdovchenkov E.V. *O nekotorykh storonakh voennoj organizatsii drevnih kochevnikov evropejskoj Stepi* [On some aspects of the military organization of the ancient nomads of the European Steppe], in *Znanie, ponimanie, umenie*. 2015. No. 1. Pp. 171–182 (in Russian).

Grinin L., Korotayev A. Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity // *Social Evolution & History*. 2011. Vol. 10 (1) (March 2011). Pp. 276–335.

Ustinova Yu.B. Lycanthropy in Sarmatian Warrior Societies: the Kobyakovo Torque, in *Ancient West and East*. 2002. № 1. Pp. 102–123.

Wikander S. Der arische Männerbund. Studien zur Indo-Iranischen Sprach- und Religionsgeschichte. Lund: Ohlsson, 1938. 111 p.

#### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

IOSPE – Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.